

Народный комиссариат имуществ Республики

Pëmp Gordeev

People's Commissariat of property of the Republic

Petr Gordeev

(Herzen University, Saint Petersburg, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24030119, EDN: GCWGTP

Изучая историю отечественной культуры в течение первого года после прихода большевиков к власти, практически невозможно не встретить упоминания о Наркомате имуществ Республики (НКИР). Идёт ли речь о судьбе бывших императорских дворцов, старинных соборов, музеев национального значения, деятельности Академии художеств, Археологической комиссии или государственных театров — везде исследователь так или иначе сталкивается с ведомством, о котором до сих пор известно очень мало. В трудах, посвящённых истории формирования советского государственного аппарата, информация о НКИР умещается, как правило, на одной-двух страницах. Подчёркивается логичность его слияния с Наркомпросом¹ и порой говорится о положительной роли, сыгранной им в деле защиты памятников искусства и старины². В свете этого представляется оправданным рассмотреть деятельность ведомства и проанализировать её результаты. Такая работа проведена в историографии впервые и стала возможной благодаря обширному архивному материалу, из всей массы которого особое значение имеют фонды самого НКИР в ГА РФ (ф. Р-410) и Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ф. Р-29).

«Саботаж» в придворном ведомстве. Существовавшее с 1826 г. Министерство императорского двора и уделов было упразднено после Февральской революции. Вместо него 8 марта 1917 г. появился Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора во главе с кадетом Ф.А. Головиным. От Комиссариата вскоре отпало Главное управление уделов. Усечённую структуру некоторые деятели культуры предлагали преобразовать в «Министерство искусств», а осенью уже в недрах самого учреждения возник проект преобразования его в Главное управление государственных художественных имуществ и учреждений. Ни то ни другое, однако, не сбылось. Судьбу бывшего придворного ведомства определил приход к власти большевиков, которых в гораздо меньшей степени связывали соображения преемственности с прошлым, чем деятелей февральского режима. При этом в середине октября, незадолго до падения Временного правительства, Головин уехал в Москву. Осознавая, что руководимое им учреждение фактически обезглавлено, он 4 ноября назначил временно исполняющим обязанности комиссара Н.Э. Рюдмана — управляюще-

© 2024 г. П.Н. Гордеев

¹ *Ирошников М.П.* Создание советского центрального государственного аппарата: Совет народных комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г. — январь 1918 г. М.; Л., 1966. С. 259—260.

² *Кучин В.Н.* Предисловие // Из истории строительства советской культуры: Москва, 1917—1918. Документы и воспоминания / Сост. и ред. В.Н. Кучин. М., 1964. С. 5; *Кейрим-Маркус М.Б.* Государственное руководство культурой. Строительство Наркомпроса (ноябрь 1917 — середина 1918 гг.). М., 1980. С. 138—139.

го бывшим Кабинетом его величества, всю жизнь прослужившего в структурах Министерства двора и не готовившегося к политической борьбе³.

С 30 октября отдельные распоряжения по комиссариату начал издавать А.В. Луначарский — как «народный комиссар по просвещению, временно получивший в своё заведование бывшее дворцовое ведомство» и «временно заведующий бывшим Министерством дворца»⁴. 6 ноября он издал общий приказ по бывшему придворному ведомству, объявив о вступлении «в исполнение обязанностей народного комиссара по просвещению и заведывающего бывшим Министерством двора». Служащим, которым предлагалось «остаться при исполнении своих обязанностей», объявили о назначении помощником Луначарского «по заведованию бывшим Министерством двора» и «общим комиссаром» по этому ведомству В.В. Игнатова. С ним начальники многочисленных учреждений, входивших в состав бывшего придворного ведомства, должны были отныне согласовывать свои действия⁵. Однако все эти распоряжения натолкнулись на сопротивление служащих, в течение двух месяцев не признававших, подобно чиновникам других министерств, легитимность большевистского правительства и не исполнявших его распоряжений. Лишь 9 декабря уполномоченный служащих, чиновник контроля бывшего Министерства двора И.М. Логинов начал переговоры с Луначарским о возможности начала совместной работы⁶.

Как следствие, Луначарский перешёл в наступление на бойкотировавших его чиновников. 2 декабря он издал приказ, которым сменил руководителя бывшего Министерства двора: «Временно исполняющий обязанности управляющего бывшим кабинетом царя Н.Э. Рюдман, исполняющий, как это выяснилось, также и обязанности комиссара низвергнутого временного правительства, ото всех занимаемых им должностей увольняется». Вместо него «временным полномочным комиссаром Рабочего и крестьянского правительства по ведомству бывшего кабинета царя и центральному ведомству бывшего министерства двора» назначался большевик Ю.Н. Флаксерман⁷. Уроженец Ярославля, сын часовщика, он вступил в РСДРП(б) в марте 1917 г. в Нижнем Новгороде, находясь в рядах военного студенческого батальона. К тому времени в партии уже состояла его старшая сестра Галина, вышедшая замуж за известного меньшевика Н.Н. Суханова. Приехав вскоре в Петроград, Флаксерман «через сестру» познакомился с М.С. Урицким и стал его помощником. В мае, опять же благодаря сестре, он сблизился и с Луначарским⁸.

8 декабря народный комиссар «по просвещению и ведомству дворцов и музеев Республики» обратился к комиссару Гатчинского дворцового управления А.К. Кауфману с напоминанием, что тот не имеет «полномочий к уступке из национального имущества каких бы то ни было зданий или земель лицам или учреждениям»⁹. На следующий день на заседании Совета народных комиссаров

³ Гордеев П.Н. Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора // Российская история. 2017. № 2. С. 59–78.

⁴ Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. М., 1966. С. 419–420, 478.

⁵ Там же. С. 183–184.

⁶ РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 611, л. 1–45.

⁷ Приказ // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 5 декабря.

⁸ Флаксерман Ю.Н. В огне жизни и борьбы. Воспоминания старого коммуниста. М., 1987. С. 5–6, 18–19, 29–30, 44, 156.

⁹ РГАЛИ, ф. 252, оп. 1, д. 112, л. 1.

ров (СНК) Луначарский внёс предложение об ассигновании 15 тыс. руб. для «нужд Ведомства дворцов и музеев республики». Деньги согласились отпустить «в виде краткосрочного займа для расходов по комиссариату из пятимиллионного фонда»¹⁰. Таким образом подтверждались его полномочия как верховного руководителя ведомства, которое, в свою очередь, продолжало рассматриваться в качестве составной части Наркомпроса.

Однако за несколько часов ситуация изменилась. Большевики достигли соглашения с левыми эсерами, семеро представителей которых должны были войти в состав СНК. Тандем двух партий оказался отнюдь не равноправным. В.И. Ленин и его окружение позаботились об удержании ключевых наркоматов за членами РСДРП(б), предоставив новоявленным союзникам второстепенные (юстиции, почт и телеграфов, земледелия, местного самоуправления), а также включив в правительство двух левых эсеров «без портфеля». Здесь-то и пригодилось бывшее придворное ведомство — его вновь повысили до «министерского» статуса и предложили левым эсерам. 9 декабря СНК рекомендовал назначить народным комиссаром «по дворцам республики» левую эсерку А.А. Измайлович, оговорив при этом, что «театры и музеи остаются в ведении Государственной комиссии по народному образованию»¹¹. Уточнение, можно полагать, было сделано под давлением Луначарского, не желавшего терять управление учреждениями культуры. Однако ЦК левых эсеров решил поручить новый наркомат не Измайлович, а Михайлову¹². Но и он по невыясненным причинам не вступил в должность. Вместо него «народным комиссаром имуществ Российской республики» стал В.А. Карелин, впервые присутствовавший на заседании правительства 13 декабря¹³. Впрочем, название прижилось не сразу — даже в протоколе СНК от 20 февраля 1918 г. ещё упоминался «Комиссариат дворцов и имуществ Российской республики»¹⁴.

Первый нарком. Владимир Александрович Карелин (1891–1938) стал одним из самых молодых членов правительства (пожалуй, и в мировом масштабе тоже) — ему было всего 26 лет. «Интеллигентного вида, в чёрном элегантном костюме высокий молодой человек», — вспоминал его помощник Флаксерман, которому тогда самому было лишь 22 года¹⁵. Смоленский дворянин, в конце 1900-х — первой половине 1910-х гг. он был одним из руководителей местной организации эсеров, к которым присоединился ещё будучи гимназистом (так же, как и его брат и две сестры). В 1909 г. его впервые арестовали, после чего он трижды подвергался административным высылкам, а с 1915 г. возглавлял харьковскую организацию эсеров. Летом 1917 г. стал председателем Харьковской городской думы, затем членом Предпарламента и Учредительного собрания. Один из организаторов партии левых эсеров и член её ЦК, Карелин не-

¹⁰ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР, ноябрь 1917 — март 1918 гг. М., 2006. С. 95, 98.

¹¹ Там же. С. 96.

¹² Там же. С. 450. Об этом человеке ещё более 30 лет назад исследователь заметил: «Поразительно и прискорбно, но мы не знаем даже имени и отчества левого эсера Михайлова, который в течение месяца числился в составе правительства» (*Разгон А.И.* Забытые имена // Первое советское правительство. Октябрь 1917 — июль 1918. М., 1991. С. 448).

¹³ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР... С. 105; Постановления ЦИК // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 15 декабря.

¹⁴ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР... С. 354.

¹⁵ *Флаксерман Ю.Н.* В огне жизни и борьбы... С. 101.

однократно подвергался репрессиям и в советские годы, а во время Большого террора был расстрелян¹⁶.

Судя по выступлениям на заседаниях СНК, Карелин мало интересовался делами ведомства, руководить которым стал более или менее случайно. 18 декабря он сделал доклад о «вермишельной комиссии», созданной для решения малозначительных вопросов и вскоре переименованной в Малый СНК; 19 декабря — «о Раде на основании его знакомства с украинским вопросом и разговоров его с делегатами и делегациями из Украины»; 30 декабря — снова «о Раде, о взаимоотношениях в Харькове представителей центральной власти и местных советов, о телеграмме Вл. Ил. Ленина товарищу Антонову». 9 января он сделал запрос о предоставлении докладов, касающихся деятельности В.А. Антонова-Овсеенко, командовавшего войсками Южного фронта¹⁷. Выступления наркома о политической ситуации на Украине находили отражение в прессе¹⁸. Доклад же «о дворцах» многократно переносился, значась в повестках заседаний 23, 24, 27, 29, 30 декабря 1917 г., 1, 6, 7 января 1918 г. и в протоколе последнего получив пометку «в Малый совет»¹⁹. Вопросы его ведомства, таким образом, оказались отнесены к «вермишели».

13 января вышло большое интервью с Карелиным, в котором он заявил: «В сущности... моё ведомство мало отнимает у меня работы. Я взял управление им на себя по настоянию фракции и с таким расчётом, чтобы оно не мешало моей партийной работе». Сама же работа наркомата «по большей своей части состоит в ликвидации». Нарком демонстрировал поразительную неосведомлённость о жизни подведомственных ему учреждений, утверждая: «Моё вступление в управление ведомством не ознаменовалось никаким саботажем со стороны чиновников. Это, правда сказать, меня очень удивило, так как я рассчитывал, что дворцовые служащие, воспитанные в близости дворцов, наполненных его развенчанными обитателями, должны будут враждебно отнестись к новой власти. Но оказалось, что большинство служащих просто люди труда и большого значения этой перемене не придали». Правда, и сам Карелин «не выставлял вопроса о безусловном признании власти Совета нар[одных] ком[иссаров], — так как он тогда, это было в декабре, не стоял перед нами так остро. Теперь же это само собой вошло в норму»²⁰.

Подчеркнув, что хозяйственную деятельность ведут сами служащие («конечно, под контролем ответственных лиц»), он сообщил о последнем строптивом подчинённом — начальнике Петроградского дворцового управления В.А. Комарове. «Единственный конфликт, который назревает и который, я думаю, окончится безболезненно — это вопрос с Комаровым, которого служащие выбрали комиссаром по Петроградским дворцам. Комаров заявил, что он болен, не является на службу и не хочет давать ни книг, ни ключей. Я думаю,

¹⁶ Разгон А.И. Забытые имена... С. 453, 455, 459; Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917—1925 гг. В 3 т. Т. 1 / Сост. Я.В. Леонтьев. М., 2000. С. 752—753; Куров И.А. Создание и деятельность Смоленской организации партии социалистов-революционеров (1901—1907 гг.): люди, события, документы. Смоленск, 2010. С. 418—419.

¹⁷ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР... С. 123, 131, 172—174, 200, 440.

¹⁸ Заявление Карелина // Наши ведомости. 1918. 15 января.

¹⁹ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР... С. 152, 158, 161, 163, 170, 176, 189, 191.

²⁰ В ведомстве дворцов и музеев (Беседа с нар[одным] комиссаром А. Карелиным) // Петроградское эхо. 1918. 13 января.

что в ближайшем будущем, как бы мне этого не хотелось, придётся прибегнуть к реальной силе и по отношению к Комарову». За исключением этого никаких «разногласий» между служащими нарком не заметил, что, впрочем, не повлияло на его намерения «ликвидации» многих установлений бывшего придворного министерства. «Не могу... не отметить некоторых курьёзов моего ведомства, — не без иронии говорил он журналисту. — До сих пор... существовали такие учреждения, как гофмаршальская, церемониальная части и др. ... существовало управление варшавским ведомством, несмотря на то что ценности варшавских дворцов давно перевезены в Москву, а служащие его находятся в разных местах России и ничего не делают, лишь получают содержание». В момент беседы Карелин был занят «ликвидацией Зимнего дворца». «Часть дворца будет обращена в музей, а другая часть — в зал для торжественных приёмов революционным правительством представителей народа», — отметил нарком, предположив, что такие приёмы «могут быть вызваны большими событиями народной жизни, например, предстоящим заключением мира». Сообщив, что и бывшая императорская охота переживает ликвидацию («большинство зверей разбежалось и немилосердно уничтожается браконьерами»), он завершил интервью шуткой: «На зимовку возвратилось только 11 зубров, вместо бывших 30, в это число, конечно, не входят... 130 000 столыпинских зубров, погибших безвозвратно»²¹.

Малая вовлечённость наркома в дела подчинённого ему ведомства²² отчасти объяснялась его включением в состав делегации, готовившей подписание мира с Германией. Пользуясь тем, что Карелин поглощён военно-политическими делами, Луначарский открыто вмешивался в управление «имуществами Республики». 16 декабря он добился того, что управление всеми «смежными учреждениями», лишь «в силу историческ[их] условий не относящихся к ведом[ству] просвещения» («как напри[м]ер, театры, музеи, Академия художеств, исторические дворцы»), будет осуществляться им и Карелиным «по соглашению»²³. Театры сразу после этого фактически перешли в ведение Луначарского. Для подавления в них «саботажников» он назначил в конце 1917 г. «правительственного комиссара» В.В. Бакрылова, затем передавшего петроградские государственные театры в ведение гражданского инженера И.В. Экскузовича, возглавившего 18 февраля 1918 г. подотдел государственных театров Наркомпроса²⁴. Причём специального распоряжения СНК о передаче театров из одного ведомства в другое, по-видимому, не выпускалось.

5 января 1918 г. Наркомпрос взял под охрану памятники старины в Московском Кремле²⁵. В конце месяца за подписями Луначарского и Ленина вышел ряд приказов, в которых речь шла о назначении Н.Н. Пунина комиссаром при Русском музее, увольнении Н.И. Крамского с должности архитектора Зим-

²¹ Там же. Любопытно, что, несмотря на продолжительный разговор, журналист перепутал инициалы собеседника — члены ленинского кабинета были ещё «не на слуху».

²² Согласно воспоминаниям его помощника, деятельность наркома ограничилась изданием четырёх приказов (Флаксерман Ю.Н. В огне жизни и борьбы... С. 101–102). Эта оценка не совсем точна, но недалеко от истины. По словам историка, «нельзя не отметить, что Карелин неохотно взялся за эту работу» (Разгон А.И. Забытые имена... С. 448).

²³ [Без названия] // Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 17 декабря.

²⁴ Гордеев П.Н. От «борьбы с царизмом» — к «царю Максимилиану»: жизненные перипетии В.В. Бакрылова // Русская литература. 2022. № 4. С. 178–179.

²⁵ Из истории строительства советской культуры... С. 55.

него дворца и назначении на эту должность М.С. Лялевича²⁶. 24 января нарком просвещения издал приказ по «Ведомству дворцов и музеев», в котором благодарил членов художественно-исторических комиссий, созданных при бывших императорских дворцах, за «плодотворную и непрерывную» работу в «самые тяжёлые моменты, пережитые государством» (тем самым доказав «любовь к своему делу и к искусству вообще»), и ставил перед ними «в связи с предполагаемым объявлением дворцов национальными музеями» новые задачи — приступить к переустройству дворцов, занявшись не только художественной, но и административной деятельностью²⁷. В отличие от Карелина, Луначарский не шутил свысока о «зубрах» и «курьёзах», а пытался завоевать симпатии интеллигенции, представители которой собирались в художественно-исторических комиссиях. Если при этом учесть, что помощником Карелина стал назначенный Луначарским Флаксерман, в январе—марте 1918 г. отдававший большую часть распоряжений по НКИР, то можно говорить об уникальном положении этого центрального государственного учреждения, в значительной степени руководимого главой другого ведомства.

Административные преобразования: декабрь 1917 г. — март 1918 г. Не позднее 23 декабря 1917 г. (дата публикации в «Известиях») вышло первое постановление по НКИР. Всего до 4 марта 1918 г. наркомат стал объектом 14 постановлений (более поздние документы подобного рода не обнаружены). Первые пять подписаны самим Карелиным и в некоторых случаях контрассигнованы Флаксерманом, который начиная с конца января 1918 г. всё чаще ставил только свою подпись. По сути управление наркоматом сосредоточилось в его руках. В первом постановлении регулировалась внутренняя жизнь входивших в состав НКИР дворцовых управлений, имущество которых переходило в ведение комитетов служащих, действовавших «самостоятельно в пределах их годичных кредитов под контролем комиссара данного правления». Однако все дела, связанные с вопросами, имеющими историческую или художественную ценность, предстояло согласовывать с созданными ещё при Временном правительстве художественно-историческими комиссиями, назначение и увольнение служащих требовало «санкции от центра», да и вообще все постановления должны были утверждаться «комиссаром по данному дворцовому управлению»²⁸. В этих условиях «автономия» служащих выглядела далеко не безграничной, что в общем соответствовало политике правительства, активно подавлявшего «саботаж» интеллигенции.

6 января 1918 г. опубликованы постановления за № 2—5. Первым из них упразднился центральный орган придворного ведомства — Канцелярия бывшего Министерства двора (кроме Пенсионного отдела, временно оставшегося «на прежних основаниях»). Постановление № 3 упразднило Гофмаршалскую часть, № 4 — Церемониальную, а также Камеральную, бывшую не самостоятельным «установлением» придворного ведомства, а элементом структуры Кабинета его величества. Наконец, пятое упразднило Варшавское и Беловежское дворцовые управления, для окончательной ликвидации которых комиссару

²⁶ Увольнения и назначения // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1918. 31 января.

²⁷ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 3, л. 24.

²⁸ Постановление по Народному комиссариату имуществ Российской Республики // Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 23 декабря.

Московского дворцового управления П.П. Малиновскому поручалось создать особую ликвидационную комиссию²⁹. Позднее постановлением № 14 от 4 марта упразднялось Управление княжества Ловичского³⁰. Под сокращение, таким образом, попали учреждения, отжившие свой век, связанные либо с жизнью Высочайшего двора, либо с владениями короны на фактически уже неподконтрольных России землях Привислинского края. Исключение составила, пожалуй, лишь Камеральная часть, в деятельности которой Флаксерман не разобрался даже в глубокой старости, во время написания мемуаров.

Текст постановления № 6 пока не разыскан. 20 января было принято и через несколько дней опубликовано седьмое постановление по НКИР. Оно примечательно не столько содержанием (речь шла о передаче в ведение НКИР Марининского дворца), сколько тем, что его подписал и Луначарский и — «за секретаря» — Флаксерман³¹. Восьмым постановлением от 29 января, подписанным «за народного комиссара» Флаксерманом, упразднялось одно из старейших и важнейших придворных учреждений — Кабинет его величества, дела которого передавались в соответствующие отделы НКИР³². Девятое постановление упразднило с 14 февраля (н. ст.) придворное духовенство³³. При этом НКИР намеревался «сохранить кредиты на содержание соборов, которые составляют общее достояние Республики и представляют собою исторические памятники русского искусства, таковы соборы: Московские-Кремлёвские — Благовещенский, Верхоспасский и Архангельский, собор Зимнего дворца, Петроградский Петропавловский и Феодоровский собор в Царском Селе». «Кружечный капитал», благотворительные учреждения при церквях, а также отдельные дома и квартиры в зданиях бывшего Министерства двора, приобретённые за счёт кружечного капитала или средств священников, Флаксерман 9 марта распорядился передать «духовно-административной организации б[ывшего] придворного духовенства»³⁴.

Современные исследователи обращают внимание на необычно благожелательное отношение помощника наркома к судьбе придворного духовенства, объясняя это несколькими причинами: личной симпатией Флаксермана к его главе протопресвитеру А.А. Дернову, чётко и убедительно излагавшему свои просьбы в подаваемых записках, боязнью крупных выступлений верующих в защиту Церкви, а также конкуренцией двух ведомств, в которой НКИР мог стараться заполучить поддержку «снизу»³⁵. Если первые два соображения правдоподобны, то с последним согласиться трудно: Флаксерман был ставленником Луначарского, не заинтересованного в сохранении НКИР. Тем более, на других служащих бывшего придворного ведомства «популистская» политика не распространялась. Постановлением № 10 от 16 февраля в ведение НКИР пе-

²⁹ По Народному комиссариату имуществ Республики // Там же. 1918. 6 января; ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 74, л. 1. В тексте постановления № 2, сохранившемся в архиве, указано, что оно было принято 4 января. Об остальных таких данных нет.

³⁰ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 14, л. 51.

³¹ По Комиссариату имуществ Республики // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1918. 23 января.

³² ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 74, л. 39.

³³ Из истории строительства советской культуры... С. 62.

³⁴ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 47, л. 1–2.

³⁵ Соколов Р.А., Смирнова И.Н. Наркомат имуществ Республики и придворное духовенство в первые месяцы советской власти (по материалам Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга) // Новейшая история России. 2023. № 2. С. 449–451.

редавался дворец вел. кн. Андрея Владимировича на Английской набережной; в соответствии с постановлением № 11 от 18 февраля прекращалась выдача пособий и пенсий из капиталов Романовых. Постановлениями № 12 и 13 от 26 февраля упразднялись канцелярии императриц Марии Фёдоровны и Александры Фёдоровны, а также организованная при Временном правительстве Комиссия по делам ликвидации бывшего Управления дворцового коменданта³⁶.

Помимо постановлений, с 17 января по 31 октября 1918 г. издавались также приказы по НКИР (всего 63). Они, насколько можно судить, имели меньшую юридическую силу, чем постановления, кроме того — за единственным исключением (приказ № 14) — подписывались не наркомом, а либо Флаксерманом (№ 1–13), либо комиссаром Петербургского отделения НКИР И.В. Киммелем (№ 15–63). В первых 13 приказах, помимо кадровых и повседневных вопросов, содержались и значительные новации в жизни бывшего придворного ведомства. Так, с 15 января подлежала упразднению Канцелярия бывшего Министерства двора (приказ № 1 от 17 января). Об этом уже шла речь в изданном двумя неделями ранее постановлении, но в данном случае конкретизировалась судьба чиновников, из которых 14 переводились на службу в НКИР, двое оставались на службе временно, до сдачи дел, а 13 выводились за штат (в том числе начальник канцелярии кн. С.В. Гагарин)³⁷. Преобразования структуры ведомства продолжили приказы № 10 и 11 от 26 и 28 февраля: в них объявлялось о создании в наркомате отделов. В первом, административном, сосредоточивались дела бывшей Канцелярии и часть пенсионных дел Кабинета его величества; второй отдел, хозяйственный, наследовал соответствующие обширные функции кабинета. В приказе № 10 сообщалось также о намерении создать строительный отдел, который был сформирован и официально учреждён как «строительный и электро-механический» 2 апреля приказом № 28³⁸.

Ряд приказов знакомил служащих с новыми реалиями жизни и правилами работы. Так, Флаксерман оповестил чиновников о необходимости вести официальную переписку на бланках с обозначением названия «Народный комиссариат имуществ Республики» (приказ № 2 от 24 января) и по новой орфографии (приказ № 4 от 25 января), об отмене служебных различий по классам: согласно приказу № 5 от 26 января все лица, состоявшие на работе в НКИР, получали общее наименование «служащих», различаясь лишь по занимаемой должности. Приказ № 6 от 26 января установил новые названия отдельных учреждений ведомства. Так, Контроль, Касса и Общий архив лишались в наименовании слов «бывшего Министерства двора». Дворцовые управления переименовывались в управления дворцами, бывшая Придворная медицинская часть становилась просто Медицинской частью, а бывшая Придворная конюшенная часть — Авто-конюшенной базой рабочего и крестьянского правительства³⁹.

Исключительно важным месяцем для НКИР стал март 1918 г., когда практически одновременно состоялись переезд СНК в Москву и распад блока большевиков и левых эсеров. 7 марта Карелин счёл нужным письменно обратиться по этому поводу к работникам вверенного ему ведомства, в среде которых «циркулируют совершенно неосновательные тревожные слухи об увольнении всех петроградских служащих комиссариата». Объяснив переезд правительства

³⁶ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 14, л. 4, 40–41.

³⁷ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 10, л. 1–2.

³⁸ Там же, л. 32–34 об., 104.

³⁹ Там же, л. 10 об., 13, 18–19.

стратегическими соображениями («При такой близости месторасположения немецких войск, при невыясненности вопроса, будет ли ратифицирован мирный договор съездом Советов, перенесение правительственного центра является серьёзным и не терпящим отлагательства вопросом»), нарком заверил: «В том случае, если съезд Советов решит перенести центр в Москву, то петроградские учреждения комиссариата войдут в состав Петроградского управления, которое будет в таких же отношениях к ведомственному центру в Москве, как раньше Московское управление находилось к ведомственному центру в Петрограде». Переезд потребует и перевода в новую столицу «некоторых работников центральных учреждений комиссариата». Им он обещал «возможность взять свои семьи с собой» и «компенсацию усиленных расходов, связанных с переездом»⁴⁰. На следующий день вышел приказ № 14 по НКИР — единственный, подписанный лично Карелиным. «В виду отъезда моего, а также моего помощника Ю.Н. Флаксермана в Москву» временное заведование делами всех учреждений, расположенных в Петрограде и его окрестностях, поручалось «комиссару-инспектору Киммелю, причём общее руководство деятельностью комиссариата я сохраняю за собою»⁴¹.

Флаксерман, отдав 8 марта своё, видимо, последнее «петроградское» распоряжение (о том, что помещения НКИР и квартиры его служащих могут быть «занимаемы правительственными учреждениями и какими бы то ни было общественными организациями лишь по получении на это предварительного письменного разрешения народного комиссара... или его помощника»⁴²), также засобирался в Москву. Много лет спустя он вспоминал: «Наш комиссариат должен был выезжать из Петрограда 12 марта. Накануне появился Карелин, выписал деньги на переезд, выдал мне их под отчёт, сообщил время отправления, номер поезда и вагона и исчез. Больше я его не встречал». Поездка оказалась не из комфортабельных, что, возможно, отражало невысокий статус ведомства в неформальной иерархии наркоматов. «Наркомату имуществ республики был отведён один вагон, оказавшийся вагоном дачного типа — без отопления, туалета и воды. Путешествие начиналось тяжело. К счастью, ночью у нашего вагона вышла из строя букса. Прицепили старый, грязный вагон четвёртого класса. Мы перебрались в него с таким чувством, как будто нам предоставили салон-вагон». Прибыв утром в Москву, Флаксерман и его товарищи отправились в Кремль (который также находился в художественном отношении в ведении НКИР), где мемуарист получил квартиру «во втором этаже Кавалерского корпуса»⁴³.

Внутренняя жизнь центрального аппарата. Внутренняя жизнь НКИР в первые месяцы 1918 г. характеризовалась радикальными сокращениями и преобразованиями входивших в его состав учреждений, а также активным поиском новых форм деятельности, в которых могли бы сочетаться элементы демократической самоорганизации служащих и чиновной иерархии в отношении новых властей. Заметную роль стали играть избранные ещё в декабре в каждом из центральных учреждений «коллективы» из 3–5 человек. Так, Коллектив канцелярии бывшего Министерства двора, избранный ещё 18 декабря (в его состав вошли начальник кн. Гагарин, помощник начальника барон Р.А. Штакельберг

⁴⁰ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 14, л. 52.

⁴¹ Там же, л. 8.

⁴² Там же, л. 54.

⁴³ Флаксерман Ю.Н. В огне жизни и борьбы... С. 116–117.

и делопроизводитель И.И. Феденко⁴⁴), ознакомившись 4 января с постановлением о ликвидации Канцелярии, посетил «народных комиссаров, ведающих дела б[ывшего] Министерства двора». Как указывалось в составленной чиновниками по итогам первого раунда переговоров объяснительной записке, наркомы сообщили, что планируют предоставить всем местным установлениям бывшего придворного ведомства полную автономию, а оставшаяся часть общих дел могла бы быть «слита с Кабинетом», в связи с чем необходимость в существовании Канцелярии отпадала⁴⁵.

В этой же записке чины канцелярии обращали внимание новых властей на несоблюдение договорённостей, подписанных 29 декабря делегатами от центральных учреждений бывшего Министерства двора с Карелиным и Флаксерманом⁴⁶. Согласно этим договорённостям их деятельность должна была «продолжаться в обычном порядке» — под контролем наркома имуществ и его помощника. «Между тем в настоящее время пункт этот в отношении канцелярии нарушен, несмотря на то что деятельность канцелярии, продолжавшаяся непрерывно по сие время, ни в чём не уклонилась от соблюдения вышеуказанных условий». Кроме того, «переходя к рассмотрению вопроса о целесообразности упразднения канцелярии», авторы записки замечали, что это «при сохранении деятельности целого ряда установлений б[ывшего] Министерства двора не отвечало бы пользе самого дела». Расписав подробно круг занятий каждого из трёх делопроизводств канцелярии⁴⁷, делегаты вновь отправились на переговоры. Их собеседниками на этот раз стали Луначарский и Флаксерман.

Поскольку на указание о нарушении подписанных недавно договорённостей возразить оказалось нечего, Луначарский начал доказывать ненужность канцелярии в современных условиях. По воспоминаниям Флаксермана, Гагарин и Штакельберг сказали, что «основная их работа заключалась в подготовке докладных записок, которые министр двора представлял царю» (в действительности, конечно, круг деятельности министерской канцелярии был гораздо шире), а Луначарский в ответ на это заявил, что все записки «диктует сам». «В этом духе беседа продолжалась ещё несколько минут, затем князь и барон откланились, и больше мы их не видели». Увольняя руководящий состав чиновников, Луначарский и Флаксерман собирались опереться на среднее звено служащих. «На меня произвёл хорошее впечатление сравнительно молодой чиновник, который выполнял работу управляющего делами», — вспоминал Флаксерман. Вместе с ним помощник комиссара «наметили структуру и штат управления дворцов и музеев Республики при Наркомпросе» (в данном случае имеет место ошибка мемуариста — в январе 1918 г. речь шла, конечно, о Комиссариате имуществ). Причём Флаксерман, признавшись своему протезе, что не знает никого из чиновников, предложил ему определить личный состав проектируемого управления самостоятельно, ограничившись пожеланием: «Чиновников высших классов привлекать не следует, из прочей массы надо отобрать наиболее деловитых, тех, кто охотно будет трудиться в новом аппарате»⁴⁸.

«Сравнительно молодым чиновником», по всей видимости, являлся Александр Васильевич Суслов. Он был незаконнорожденным сыном вдовы коллеж-

⁴⁴ РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 611, л. 32.

⁴⁵ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 31, л. 1.

⁴⁶ РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 611, л. 45.

⁴⁷ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 31, л. 1–17 об.

⁴⁸ Флаксерман Ю.Н. В огне жизни и борьбы... С. 93–95.

ского ассессора, и жизненные трудности, неминуемо сопровождавшие подобный статус, без сомнения закалили его характер. В 1903 г. Суслов окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, затем несколько лет служил в Министерстве финансов⁴⁹, а в Министерстве двора оказался благодаря высокому родству — о нём в 1906 г. хлопотал его дядя, товарищ министра иностранных дел К.А. Губастов. В мае 1917 г. он стал «чиновником для поручений VII класса»⁵⁰, в каковой должности и встретил установление новой власти.

Обернувшееся для многих его сослуживцев катастрофой, карьере Суслова оно придало ускорение: во многом под его руководством и прошла реформа центральных учреждений бывшего придворного ведомства. 15 января помощник наркома писал «Коллективу служащих» канцелярии, что «канцелярия в её прежнем виде перестает существовать с момента получения вами данного письма», а вместо неё «проектируемый вами отдел распадается на два делопроизводства: делопроизводство личного состава и пенсионное». Ликвидировав ряд должностей, которые он посчитал ненужными (вторых помощников делопроизводителей и т.д.), Флаксерман в остальном поощрял административное творчество служащих. Последние не только составили план, но и провели выборы. Руководить делопроизводством личного состава избрали Суслова, пенсионным делопроизводством — чиновника Е.О. Адамовича⁵¹. 23 января именно Суслов подписал уведомление, отправленное от имени делопроизводства личного состава Гагарину, об упразднении Канцелярии с 15 января и оставлении того за штатом («пользующимся казёнными квартирами предоставлено право проживать в них не позднее 1 апреля сего года», отмечалось в документе, «причём вопрос о проживании лиц в казённых помещениях в каждом могущем быть индивидуальном случае будет решаться особо»). Такие же или схожие уведомления получили и другие оставленные «за штатом» чиновники⁵², а их оставшиеся на службе коллеги активно включились в борьбу за перераспределение служебных квартир, располагавшихся преимущественно в доме Министерства двора на Фонтанке, 20⁵³. Не принимавший участия в этой борьбе Суслов (он жил в квартире на Итальянской, 1⁵⁴) приобрёл в то время такой вес, что, например, служившие в Контроле сторожа И. Баронас и Г. Григорьев адресовали 27 февраля прошение «господину делопроизводителю Комиссариата имуществ республики» о переводе их на службу в бывший Кабинет его величества⁵⁵.

Кабинетские служащие в те дни также не знали покоя. «Как вам известно, Кабинет упразднён. Его функции передаются Хозяйственному отделу Комиссариата имуществ», — писал 16 февраля Флаксерман, Коллективу этого старейшего придворного учреждения. Он также сообщил о создании в будущем нового отдела — строительного, «форма организации» которого «ещё не решена», и о слиянии ряда кабинетских дел и должностей с уже организованными делопроизводствами (личного состава и пенсионным). Помощник наркома предлагал «служащим бывшего Кабинета соответственно с этим извещением выбрать из своей среды тех служащих, кои будут продолжать свою службу в комиссари-

⁴⁹ ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 34945, л. 5–6, 21, 24–25, 29–34, 39.

⁵⁰ РГИА, ф. 468, оп. 30, д. 319, л. 3–4, 6, 11; ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 67.

⁵¹ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 74, л. 21–23.

⁵² Там же, л. 33–35.

⁵³ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 6, л. 2–3 об., 5–10, 13–18.

⁵⁴ Там же, л. 7.

⁵⁵ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 74, л. 71.

ате», предупреждая, что «остальные будут уволены на общих основаниях». В новые штаты предстояло войти примерно половине прежнего состава (35 человек).

23 и 25 февраля кабинетские чиновники провели два общих собрания под председательством опытного чиновника Г.Н. Кирилина, причём на первом огласили ещё одно послание Флаксермана, до которого «дошли слухи, что среди служащих бывшего Кабинета циркулируют различные версии о том, что будто я кого-то из бывших чиновников назначал на какие-то должности и т.д.». Помощник наркома «доводил до сведения служащих», что «дав им право самим выбрать тех из них, которые останутся работать в Комиссариате имуществ Республики, я оставил за собою только право отвода и тем самым, следовательно, никак не мог кого бы то ни было назначать». Указав, что каждая корпорация должна выбирать служащих из своей среды («т.е. чиновники — чиновников, курьеры — курьеров, сторожа — сторожей»), Флаксерман сделал оговорку: если младшие служащие заявят отводы тем или иным кандидатурам из старших, то таковые «могут быть приняты мною во внимание» (26 февраля он так и поступил, велел исключить из списка избранных делопроизводителя В.В. Рогге, против которого высказались низшие служащие). В ходе непростого двухдневного заседания удалось избрать Хозяйственный отдел, состоящий из двух делопроизводств, которые возглавили Кирилин и И.К. Ларионов, и других подразделений⁵⁶.

Неплохо сохранившийся комплекс документов Коллектива контроля бывшего Министерства двора позволяет заглянуть в его внутреннюю жизнь. В Коллектив, избранный 18 декабря 1917 г. на общем собрании служащих, вошли старший ревизор-техник, гражданский инженер Н.Н. Тетеревников (председатель), бухгалтер В.Я. Ельцин, старший контролёр П.П. Сланский, В.С. Савицкий и игравший в то время заметную роль в делах наркомата Логинов⁵⁷. Спустя полтора месяца, 30 января 1918 г., Коллектив, отвечая на запрос одного из служащих, не следует ли избрать особый комитет для защиты их профессиональных интересов, постановил, что он «является не только органом административным, но ведающим вообще все вопросы, какие могут возникнуть в товарищеской среде», а потому необходимости в каких-либо дополнительных органах нет. Проведённый вскоре после этого заседания письменный опрос служащих о желательности преобразования Коллектива показал, что подавляющая их часть не считала подобную меру желательной, доверяя своим избранным представителям⁵⁸.

В конце зимы и весной 1918 г. чиновники Контроля подавали в Коллектив обращения разного, преимущественно финансового характера: жаловались на прекращение выдачи «лично присвоенной» прибавки к жалованью, просили об увеличении «по крайней мере до двойного размера» разъездных денег, о выдаче «на дороговизну» жизни единовременно двойного месячного оклада⁵⁹. 4 марта контролёр Н.П. Малков писал, что он «с обоюдного согласия комиссаров Ю.Н. Флаксермана и Н.Н. Пунина» работал одновременно в Контроле и бухгалтером в Русском музее, поэтому рассчитывает на соответственное жалованье (в каждом учреждении ему должны были платить по 475 руб.). Однако Сланский и Логинов посчитали подобный двойной оклад «недопустимым», и после их доклада Флаксерману общее жалованье Малкова по двум должностям

⁵⁶ Там же, л. 44–50.

⁵⁷ Там же, оп. 3, д. 3, л. 4–6.

⁵⁸ Там же, л. 18–19.

⁵⁹ Там же, л. 22–24.

сократилось до 500 руб. Коллектив, в состав которого входили оба недоброжелателя жалобщика, лишь частично согласился с его доводами, отметив, что он производит работу по двум должностям с использованием одного и того же служебного времени⁶⁰.

Впрочем, рассматривались не только денежные вопросы. 27 мая со взволнованным письмом к Коллективу обратился Савицкий. Отметив, что «переживаемая многими из нас тревога вызвана именно не конкретными причинами, а той неорганизованностью, которая проявлена нами и которая довела некоторых из нашей среды, оказавшихся людьми низкого нравственного и умственного уровня, до поступков, которым на языке сколько-нибудь порядочных людей нет названия», он призвал: «Я считаю своим долгом как член Коллектива и старый служащий заявить, что необходимо собрать товарищей и призвать всех к организованности, а также для того, чтобы беспощадно заклеить гнусность поведения людей, дошедших до анонимных клеветнических изветов». Причиной обращения стало анонимное письмо на имя Киммеля, содержавшее «грязные клеветнические обвинения против некоторых служащих в Контроле и главным образом против И.М. Логинова», которому Киммель передал это письмо. Сошедшиеся по предложению Савицкого 28 мая на общее собрание служащие решили отнести автора анонимки «к разряду людей, заслуживающих общего презрения», а Логинову «засвидетельствовать... общее глубокое уважение и признание его выше всяких клеветнических наветов»⁶¹.

Таким образом Коллектив оказывался для служащих своеобразным моральным арбитром. Впрочем, у его власти, нигде официально не задекларированной, имелись и пределы. Когда в июле 1918 г. ввиду скорого упразднения Контроля встала задача составления отчёта, Коллектив поручил её Ельцину, который также должен был «давать Коллективу еженедельно сведения о ходе своей работы». Однако он не только «категорически» отказался, но и заявил, что «такое требование... считает для себя оскорбительным»⁶².

Коллективы других учреждений бывшего придворного ведомства также пытались выйти за рамки неформальных (а с точки зрения большевиков — и незаконных) организаций чиновников. С этой целью они позиционировали себя в качестве самостоятельной части государственного аппарата, представляющей интересы всех служащих без различия классов. К примеру, Коллектив Кабинета его величества, который первоначально состоял только из чиновников, 15 января 1918 г. сообщил другим учреждениям, что «для решения вопросов, касающихся интересов служителей и рабочих», в его состав введены «представители означенной категории служащих» — курьер В.К. Моксяков и И.Я. Баронас. Должность последнего не указана; судя по процитированному выше обращению к Суслову, это сторож⁶³. Коллектив по заведованию Кассой в апреле 1918 г. вёл переписку с Административным отделом НКИР, сообщая об увольнении не являвшегося на службу счётного чиновника К.А. Лебедева и назначении на его место другого лица⁶⁴. В данном случае раскрывалась ещё одна функция коллективов, осуществлявших связь между массой служащих и представителями власти.

⁶⁰ Там же, л. 13–16.

⁶¹ Там же, л. 25 об.—27 об.

⁶² Там же, л. 34 об.

⁶³ Там же, л. 10.

⁶⁴ Там же, оп. 1, д. 10, л. 125–125 об., 152.

В начале весны 1918 г. коллективы могли восприниматься (отчасти небезосновательно) как организации, узурпировавшие полномочия административных органов аппарата большевистского государства и в этом смысле продолжавшие «саботаж». Подобное поведение вызывало раздражение властей. Оно, в частности, выразилось в отданном Киммелем 18 марта приказе № 20 по НКИР. «Некоторые установления комиссариата направляют переписку Коллективу служащих б[ывшего] Кабинета его величества (ныне Хозяйственный отдел комиссариата)», — писал «уполномоченный комиссар», предлагая «всем установлениям комиссариата направлять переписку на имя комиссара или в соответствующие отделы комиссариата, отнюдь не адресуя несуществующим коллективам служащих б[ывшего] Министерства двора»⁶⁵. Схожее по смыслу, хотя и более мягкое распоряжение издал позднее и.о. наркома имуществ Малиновский, объявивший служащим Московского дворцового управления, что за их «коллективом» «остаётся только обслуживание профессиональных нужд», а само управление имуществами — дело НКИР⁶⁶.

Позднее, когда стало ясно, что коллективы готовы сотрудничать с властью и рассматривают себя не как альтернативу ей, а как своего рода профсоюз, отношение к ним стало более терпимым, хотя пикировки время от времени случались. Так, например, 2 августа возмущённый Киммель «уведомлял» председателя Коллектива Контроля, что принятое им постановление, «сообщённое мне отношением от 24 июля с.г., о выдаче без моего разрешения служащим Контроля разницы содержания с 1 января по 1 июня, является совершенно недопустимым, и за осуществление подобной самовольной выдачи Коллектив подлежал бы революционному суду за растрату народного имущества». Он подчеркнул, что расходование народных денег без его ведома и разрешения недопустимо⁶⁷.

Нарком Малиновский. 9 марта Карелин присутствовал на последнем перед переездом в Москву заседании СНК в Петрограде, на котором должен был доложить «проект декрета о передаче некоторых учреждений Комиссариата имуществ Республики советам дворцовых городов (Гатчина, Царское Село и т.д.)» (в итоге этот пункт повестки решили отложить)⁶⁸. В скором времени, однако, он вместе с другими левыми эсерами покинул правительство, выразив несогласие с условиями Брестского мира. В этот момент НКИР мог прекратить существование. Позднее, 10 июля, Луначарский вспоминал, что он в то время «по прямому проводу передавал из Петрограда в Москву через т. Сталина о невозобновлении самостоятельного Комиссариата имуществ Республики по освобождении портфеля за уходом Карелина», желая присоединить учреждение к Наркомпросу, но И.В. Сталин ответил ему, что «Совнарком имеет в виду для замещения этого поста в Москве лицо весьма подходящее персонально, а именно т. Малиновского»⁶⁹. 18 марта «ввиду ухода Карелина» СНК постановил назначить П.П. Малиновского «временным заместителем народного комиссара имуществ Российской Советской Республики» с возложением на него обязанностей комиссара Кремля⁷⁰.

⁶⁵ Там же, л. 69.

⁶⁶ Из истории строительства советской культуры... С. 81.

⁶⁷ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 3, д. 3, л. 33.

⁶⁸ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 415.

⁶⁹ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 41, л. 10.

⁷⁰ Там же, д. 14, л. 11–11а.

Павел Петрович Малиновский (1869–1943) родился в Нижнем Новгороде в семье старшего писаря военной гимназии. Обучаясь в петербургском Институте гражданских инженеров, проникся революционными идеями и отказался принести присягу императору, после чего о карьере в столице пришлось забыть. Молодой зодчий вернулся в Нижний Новгород, где построил ряд ярких зданий, сблизился с М. Горьким и вступил в РСДРП(б), участвовал в революции 1905 г., а в 1908 г. переехал в Москву. Там он продолжил и архитектурную работу, и подпольную деятельность, которую осуществлял в основном через супругу, большевичку Е.К. Малиновскую (впоследствии видную деятельницу советского театра)⁷¹. Весной 1917 г. он «целиком ушёл в общественно-политическую и партийную работу», принимая активное участие в деятельности Московского совета рабочих депутатов⁷², а после прихода к власти большевиков возглавил Комиссию по охране памятников искусства и старины и начал исполнять обязанности гражданского комиссара Кремля⁷³. С 4 января 1918 г. в приказах по НКИР Малиновский упоминался в качестве комиссара Московского дворцового управления⁷⁴. Наконец, в марте он возглавил Чрезвычайную эвакуационную комиссию, которая занималась размещением в Москве переезжавшего из Петрограда СНК⁷⁵, проявив себя расторопным и деятельным работником. Он также стал лично известен новым властителям, благодаря чему получил должность «исполняющего обязанности» наркома, в которой оставался в течение пяти месяцев.

В отличие от Карелина, для Малиновского этот пост стал несомненным и значительным повышением. Кроме того, он — человек из мира искусства — больше подходил для руководства ведомством, курировавшим дворцы и музеи. Не в его пользу играло то, что он, по-видимому, сравнительно мало знал Петроград, где находилось большинство художественных сокровищ придворного министерства. Как следствие, в бывшей столице продолжал практически самостоятельно распоряжаться Киммель. Кроме того, Малиновский отличался недоверием к «беспартийным специалистам», составлявшим абсолютное большинство служащих бывшего Министерства двора. Он окружил себя сотрудниками, близкими в идейном отношении, но малоизвестными в художественном мире⁷⁶. Впрочем, Малиновский проводил резкую грань и среди самих творцов, деля их на своих и чужих. «Расхождение точки зрения буржуазных деятелей искусства и стоящих на советской платформе художников, работающих в Комиссии по охране памятников и старины, огромно», — заявил он 11 апреля 1918 г. на созванном Московским советом совещании по делам изобразительных искусств и прибавил, что при поддержке единомышленников стремится «к полному освобождению искусства от меценатства во всех видах и формах»⁷⁷.

Уже на склоне жизни Малиновский вспоминал: «Принятый мной Наркомат в смысле программы и плана работы, организации штатов, сметы и средств представлял почти пустое место, за исключением Ленинградской организации,

⁷¹ РГАЭ, ф. 108, оп. 1, д. 89, л. 57–57 об.; д. 93, л. 80 об.—81, 83–94; ЦГИА СПб, ф. 184, оп. 3, д. 2236, л. 35–37 об.; *Нифонтов Л.А.* Архитектор П.П. Малиновский. Горький, 1973. С. 7–45.

⁷² РГАЭ, ф. 108, оп. 1, д. 93, л. 94.

⁷³ Там же, л. 96.

⁷⁴ ГА РФ, ф. 1261, оп. 1, д. 9, л. 215.

⁷⁵ РГАЭ, ф. 108, оп. 1, д. 93, л. 97 об.

⁷⁶ Из истории строительства советской культуры... С. 64–65, 67–68.

⁷⁷ Там же. С. 119–120.

оставшейся в управлении Наркомпроса т. Луначарского под общим контролем Наркомата, и Кремлёвского комиссариата, а хозяйство Кремля, конной и автомобильной базы Наркомата было необычайно хлопотливо». Он сетовал на унаследованную от Министерства двора массу «хозяйственных объектов, функций и при этом мелочных», которые приходилось «волей-неволей продолжать... до передачи их другим ведомствам, учреждениям или просто ликвидировать». При этом «больше всего трений вызывало сокращение лишних штатов и расходов по гостеатрам и хранилищам предметов искусства и старины, поскольку т. Луначарский в Ленинграде подходил к этим вопросам иначе, чем мы, привыкшие к сугубой экономии в Москве»⁷⁸. НКИР расположился в Кавалерском корпусе Кремля⁷⁹, откуда 6 июня перебрался в бывшее здание Московской конторы императорских театров на Большой Дмитровке⁸⁰.

Луначарский тем временем не оставлял мысль о присоединении НКИР к руководимому им ведомству. Приехав в Москву, он уговорил Малиновского на подписание 12 апреля совместного заявления, начинавшегося указанием на «неразрывную связь, соединяющую учреждения ведомства народного просвещения и бывшего ведомства имуществ республики, а ныне Народного комиссариата художественно-исторических имуществ республики». Новое название, кажется, так и не оформили официально, во всяком случае оно не прижилось в служебной переписке. НКИР должен был «со дня опубликования данного постановления» руководствоваться «временной конституцией», согласно которой он входил в состав Наркомпроса на правах «автономного отдела с временно обособленным кредитом и сметами», образуя вместе с отделами театральным, музыкальным, изобразительных искусств и архивно-музейно-библиотечным особую «Группу искусств»⁸¹.

Отдел имуществ Республики следовало возглавить Малиновскому. Другими «ответственными сотрудниками», которых планировалось перевести в Наркомпрос, оказались помощники наркома Флаксерман (по административно-хозяйственной части) и Н.Д. Виноградов (по художественной части), Киммель, комиссар-инспектор (он же и.о. секретаря наркома) А.К. Кауфман, помощник комиссара Кремля Е.В. Орановский и и.о. помощника наркома имуществ в Москве и округе И.А. Вайман. Все планы являлись приблизительными: в одном из составленных в мае отчётов о положении НКИР, адресат которого неизвестен, Малиновский (или писавший от его имени секретарь) отмечал: «Дальнейших подробностей до окончательного конструирования Комиссариат пока дать не может, т[ак] к[ак] последний — в стадии организации, в связи с эвакуацией его отделов из Петрограда и ликвидацией части имуществ Республики»⁸².

Несмотря на совместное заявление наркомов, НКИР продолжал существовать под прежним названием. Тем не менее входившие в его состав учреждения искусства начал «забирать» Луначарский. 12 апреля он прямо заявил, что ведомство имуществ «будет ликвидироваться при передаче из него дел в другие комиссариаты»⁸³. В тот же день СНК своим декретом упразднил Академию художеств, неразрывно с ней связанное Высшее художественное училище преобразо-

⁷⁸ РГАЭ, ф. 108, оп. 1, д. 93, л. 98 об.—99.

⁷⁹ Из истории строительства советской культуры... С. 65.

⁸⁰ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 14, л. 77.

⁸¹ Из истории строительства советской культуры... С. 56.

⁸² ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 41, л. 4, 5 об.

⁸³ Из истории строительства советской культуры... С. 58.

вал в «свободную художественную школу», а музей Академии передал в Наркомпрос. Позднее под его управление передали и Московское училище живописи, ваяния и зодчества⁸⁴. Тогда же СНК выпустил декрет о сносе памятников, «воздвигнутых в честь царей и их слуг и не представляющих интереса ни с исторической, ни с художественной стороны», и установке вместо них монументов, «долженствующих ознаменовать великие дни Российской Социалистической Революции». Заняться этим предстояло комиссии, состоявшей из наркомов просвещения и имуществ, а также заведующего отделом изобразительных искусств Наркомпроса. «Некоторые наиболее уродливые истуканы» предполагалось снять уже к 1 мая, к той же дате комиссии предписывалось осуществить «декорирование города» и «замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т.п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России»⁸⁵.

Комиссия, составленная из не особенно ладивших друг с другом людей, живших к тому же в разных городах, работала не очень активно, что вызвало возмущение Ленина, который придавал символическому утверждению новой эпохи большое значение. «Удивлён [и] возмущён бездеятельностью Вашей и Малиновского в деле подготовки хороших цитат и надписей на общественных зданиях Питера и Москвы», — телеграфировал он Луначарскому 13 мая. В июне или начале июля Ленин отправил в оба наркомата письмо, в котором требовал «незамедлительно представить сведения о том, что именно сделано для выполнения декрета». Он негодовал: «Двухмесячная проволочка в исполнении декрета — равно важного и с точки зрения пропаганды, и с точки зрения занятия безработных — непростительна». 8 июля СНК официально поставил обоим наркомам на вид «их совершенно недопустимую бездеятельность по проведению в жизнь декрета от 12 апреля»⁸⁶. Виноградов много лет спустя вспоминал, как на другой день после принятия этого постановления «Малиновский, придя в наркомат, сообщил мне: “Мы вчера выбрали Вас отвечать за нашу бездеятельность по проведению декрета в жизнь. И Вам сейчас поручаем организовать разбор памятника Александра III”». Самому Виноградову Ленин высказал недовольство тем, что не ставится новых памятников деятелям революционного движения⁸⁷. Возможно, нерасторопность Малиновского в этом важном для коммунистической власти вопросе повлияла на его решение поддержать слияние наркоматов.

Один из вопросов, которым занималось руководство НКИР, затрагивал сферу внешней политики. Поскольку в составе «имуществ Республики» оказалось немало вещей, исторически связанных с бывшим Царством Польским, ведомство находилось в постоянном контакте с Комиссариатом по польским делам, образованным при Наркомате по делам национальностей. Постановление СНК прямо предписывало государственным ведомствам «сноситься» с этим учреждением по всем «польским» вопросам⁸⁸. НКИР руководствовался также постановлением, изданным 6 апреля Луначарским и подписанным комиссаром

⁸⁴ Там же. С. 26–27, 35.

⁸⁵ Там же. С. 25–26.

⁸⁶ Там же. С. 27–28, 32.

⁸⁷ О реставрации Кремля, выдаче охранных грамот, создании пролетарских музеев и встречах с Лениным по поводу монументальной пропаганды (URL: <https://oralhistory.ru/talks/orh-220%E2%80%9393221/text?hl=674e84d#f2lkGh>).

⁸⁸ По делам ликвидации учреждений б[ывшего] Царства Польского // Газета Рабочего и крестьянского правительства. 1918. 26 января.

по польским делам Ю.М. Лещинским. Согласно ему все эвакуированные из Польши во время войны «предметы старины, искусства и науки» подлежали «немедленному возврату польскому трудовому народу» и переходили «в ведение польского комиссариата»⁸⁹. Представители последнего (среди них особенную активность проявлял заведующий отделом культуры и просвещения Б.Д. Мандельбаум⁹⁰) в апреле получили разрешение на осмотр московских дворцов и музеев, находившихся в ведении НКИР, в которых хранились или могли храниться эвакуированные ценности. Они также участвовали в совместных со служащими наркомата комиссиях, обсуждавших судьбу польских ценностей и вопросы, связанные с ликвидацией бывшего Варшавского дворцового управления, отслеживали положение отдельных эвакуированных коллекций, «не находя препятствий» к возвращению их в Польшу⁹¹. Впрочем, препятствий не находил и НКИР, выдавая соответствующие удостоверения, а также самостоятельно занимаясь розыском подобных предметов в подведомственных дворцах⁹².

Ведомство активно защищало неприкосновенность эвакуированных из Польши ценностей, вступая по этому поводу в переписку с местными учреждениями. Так, в июне Малиновский писал в Саратов, куда попали около 5 тыс. вывезенных из Польши колоколов. По городу прошёл слух, что «местный Совнархоз предполагает использовать эти колокола для промышленных целей», в связи с чем нарком потребовал «немедленно передать» их представителям Польского комиссариата. В августе НКИР просил Осташковский совет и местного комиссара остановить намеченную продажу с аукциона задержанных в городе двух вагонов с польскими ценностями⁹³.

Однако амбиции поляков распространялись не только на ценности, эвакуированные во время войны. Ещё в мае наркомы просвещения и имущества составили два совместных циркуляра «во все музеи, дворцы, библиотеки и другие художественные и научные хранилища» РСФСР. В одном предписывалось приступить к передаче Польскому комиссариату эвакуированных во время войны ценностей⁹⁴. В другом, «не предрешая времени возвращения польскому трудовому народу вывезенных в разное время до настоящей войны из Польши предметов искусства, науки и культуры», предлагалось создавать совместные комиссии с представителями комиссариата для составления подробных описей предметов, происходивших из Польши⁹⁵. Распространение практики «возврата» на ценности прежних веков грозило российским музеям и библиотекам серьёзными утратами, однако наркомов это, по-видимому, не слишком волновало.

И всё же сводить деятельность НКИР к раздаче национального достояния было бы неверно. Ведомство приложило немало сил для защиты усадеб, музеев и прочих зданий от разграбления. «Охранные» удостоверения выдавались и учреждениям, не имевшим отношения к бывшему Министерству двора, например,

⁸⁹ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 17, л. 33.

⁹⁰ Там же, л. 9. Интересно, что этот, по словам Луначарского, «очень талантливый польский товарищ» (*Луначарский А.В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 166) в первые дни после прихода к власти большевиков занимался в качестве комиссара Военно-революционного комитета и делами бывшего Министерства двора (Петроградский военно-революционный комитет. Т. 1. С. 265–266, 419).

⁹¹ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 17, л. 3–6, 9–10, 20–21, 23.

⁹² Там же, л. 27, 43–43 об.

⁹³ Там же, л. 8, 11–19, 28–29.

⁹⁴ Там же, л. 30, 37.

⁹⁵ Там же, л. 32, 35.

полковым музеям⁹⁶. В этом смысле наркомат продолжал работу возглавляемой Малиновским же Комиссии по охране памятников искусства и старины, выдававшей подобные документы с конца 1917 г. даже владельцам частных коллекций⁹⁷. Это показывает, что Малиновский и его подчинённые считали областью своей компетенции не только конкретные «имущества», унаследованные от придворного ведомства, но вообще все значимые с художественной точки зрения памятники и собрания в России. «Мы выдали около трёх тысяч штук этих охраненных грамот», — вспоминал Виноградов, отметив, что они порой сохраняли свою силу долгое время. Одна из грамот, как ему стало известно, считалась действительной и в 1929 г.⁹⁸ Разосланные НКИР ещё в апреле 1918 г. обращения ко всем советам депутатов и земельным комитетам с призывом создавать местные комиссии по охране памятников и старины⁹⁹ также в определённой степени способствовали их сохранению. Одновременно в НКИР разрабатывались проекты устройства музеев, причём особое значение придавалось московским. «Мы желали создать из Кремля единую художественную сокровищницу, переведа в Кремль все архивы, всё художественно ценное, чему на местах в Москве или вне её грозит опасность, — вспоминал Орановский. — Мы фактически работали над созданием “Кремля-Акрополя”, Кремля-пантеона русского искусства»¹⁰⁰.

Петербургское (Петроградское) отделение: комиссар Киммель и продолжение реформ. Руководство всеми учреждениями бывшего придворного ведомства, располагавшимися в Петрограде и его пригородах, перешло к «уполномоченному комиссару Петербургского отделения Комиссариата имуществ Республики» — Иоганну-Вольдемару (в документах также использовалась русифицированная форма — Иоганн Вольдемарович¹⁰¹) Киммелю. Он родился 8 декабря 1879 г. в крестьянской семье, проживавшей в общине Ахианск Юрьевского уезда Лифляндской губ.¹⁰² А.Н. Бенуа дал ему нелюбимую характеристику. 22 ноября 1918 г. художник, просивший вместе с другими членами совета Эрмитажа о снабжении служащих музея продовольственными пайками, получил ответ «от хорошо нам знакомого Киммеля, который недавно обивал пороги Эрмитажа — эдакий маленький солдатик со злым лицом». Раздосадованный отказом, Бенуа резюмировал: «Подпись до предела лаконичная — закорючка и ясная должность: “уполномоченный комиссар”. Наконец и мы, деятели культуры, получили образец “заштопанного портного” из эпохи прерафаэлитов»¹⁰³.

Киммель продолжил административные преобразования, нацеленные в том числе на то, чтобы создать из учреждений бывшего Министерства двора некую централизованную систему. Их проведению и вообще работе Петербургского отделения мешал переезд части служащих в Москву. 10 мая Малиновский официально «предложил» Киммелю к 20 мая перевести в новую столицу Административный и Хозяйственный отделы, а также бухгалтерию НКИР¹⁰⁴. Сроки

⁹⁶ Из истории строительства советской культуры... С. 64.

⁹⁷ Там же. С. 258.

⁹⁸ О реставрации Кремля...

⁹⁹ Из истории строительства советской культуры... С. 68–73.

¹⁰⁰ Орановский Е.В. «Кремль-Акрополь» // Из истории строительства советской культуры... С. 331.

¹⁰¹ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 78, л. 140, 142.

¹⁰² Там же, л. 106.

¹⁰³ Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924. М., 2016. С. 195.

¹⁰⁴ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 74, л. 89.

оказались нереальными: в изданном 27 мая приказе по ведомству Киммель объявил о переводе этих отделов с 1 июня, разрешив служащим оставить занимаемые ими казённые квартиры в Петрограде (Киммель употреблял название «Петербург») до ноября 1918 г.¹⁰⁵ В приказе по Управлению московскими дворцами от 20 июня Малиновский, ввиду «образования центрального органа Народного комиссариата имуществ Республики в Москве и предстоящего упразднения Хозяйственного отдела комиссариата в Петрограде», предложил всем учреждениям НКИР обращаться по всем вопросам в формируемое московское управление¹⁰⁶. Однако скоро стало ясно, что целиком перевести важнейшие отделы ведомства, «имущества» которого расположены в основном в северной столице, невозможно. В результате уже 3 июня Киммель издал новый приказ, согласно которому в Первопрестольную переезжали не отделы, а лишь часть их служащих (14 человек)¹⁰⁷.

В июле административная реформа вступила в новую фазу. Согласно приказу № 49, подписанному Киммелем, «для заведования расположенными в области Северной трудовой коммуны как художественно-историческими, так и другими, находящимися в ведении Комиссариата, имуществами, а равно для ликвидации учреждений Комиссариата, передаваемых в иные ведомства и во все упраздняемых, образуется в Петербурге с 1 июля сего года отделение Комиссариата имуществ Республики Северной области» в составе пяти отделов: административного, художественно-исторического, строительно-технического, общих заготовок и финансово-счётного. Одновременно упразднялось Управление петербургскими дворцами, функции которого передавались этим отделам¹⁰⁸.

Рядом следующих приказов, изданных в июле и августе, объявлялся личный состав. С 1 июля Административный отдел возглавил Суслов, а Отдел общих заготовок — Логинов¹⁰⁹. С 20 августа помощником Логинова стал Тетеревников¹¹⁰, ранее возглавлявший Коллектив Контроля. Приказом по ведомству № 57 от 20 августа возложили общее руководство Контролем на Сланского¹¹¹. С 1 августа временно заведующим Финансово-счётным отделом стал М.П. Оберемченко¹¹², кандидатуру которого Киммелю предложил Суслов¹¹³. Художественно-исторический и Строительно-технический отделы, по всей видимости, сформировать так и не удалось, хотя делопроизводство последнего Киммель ещё в июле поручил Кирилину¹¹⁴. Кроме того, в августе был объявлен штат самостоятельного Отделения учёта движимого имущества, которое возглавил Л.А. Иогансон¹¹⁵. В целом, завершившееся к концу лета создание новой структуры НКИР позволило упразднить два ещё сохранившихся учреждения бывшего придворного ведомства — Контроль и Кассу¹¹⁶. Сланский оставался

¹⁰⁵ Там же, д. 10, л. 247.

¹⁰⁶ Там же, д. 18, л. 5.

¹⁰⁷ Там же, д. 10, л. 257–257 об.

¹⁰⁸ Там же, л. 327–327 об.

¹⁰⁹ Там же, л. 353, 359.

¹¹⁰ Там же, л. 384.

¹¹¹ Там же, л. 385 об.

¹¹² Там же, л. 383.

¹¹³ Там же, д. 74, л. 139–139 об.

¹¹⁴ Там же, л. 115.

¹¹⁵ Там же, л. 132–135; д. 10, л. 362–362 об.

¹¹⁶ Там же, д. 10, л. 444.

«заведующим по ликвидации» оных как минимум до конца года, числясь «ответственным работником» уже не НКИР, а Отдела имущества Республики¹¹⁷.

В результате вместо складывавшейся столетиями структуры различных, в достаточной степени обособленных учреждений Министерства двора возникли единообразные по своему положению и субординации отделы наркомата. Но итог преобразований заключался не только в изменении структуры управления. Киммель, как до него Флаксерман, выдвигал на первые роли лояльных большевикам служащих старого аппарата, занимавших ранее должности второго-третьего ряда, таких как Суслов и Логинов. Они заменили начальников, назначенных ещё в императорский период и при Временном правительстве, а также постепенно оттеснили коллективы — всё более и более нежелательные в глазах новой власти, деятельность которых к лету 1918 г. начала угасать.

Конечно, лояльность служащих могла и не быть искренней. Например, двоих видных работников НКИР — заведующего канцелярией Отделения учёта движимого имущества М.И. Курочкина и делопроизводителя по научно-художественной части канцелярии Русского музея И.И. Феденко¹¹⁸ — 25 марта арестовали сотрудники ВЧК и отправили в заключение в Дерябинские казармы. Киммель вступился за них, указав как на их необходимость для работы, так и на «неизменно вполне лояльное отношение к установившейся власти Советов», полагая, что задержание «основано на недоразумении» (причина ареста в документах не указана). За Феденко просил ещё и Русский музей¹¹⁹.хлопоты, судя по всему, дали результат (Курочкин уже в ноябре расписывался в делах руководимой им канцелярии¹²⁰), показав, что и Киммель готов оказывать признавшим большевистскую власть подчинённым традиционное начальственное покровительство.

Вообще его деятельность во главе Петербургского отделения следует, с точки зрения стоявших перед ним задач, признать сравнительно успешной. Как и любой руководитель, со временем он сформировал личный аппарат. Уже в июне на службу «для поручений при уполномоченном комиссаре» приняли некую Е.М. Шаховскую¹²¹, с 1 августа «комиссаром для поручений» стал бывший комиссар Говмаршальской части Кузмин¹²², в октябре «для исполнения секретарских обязанностей при уполномоченном комиссаре» назначили Р.М. Анвельт¹²³. Будучи представителем революционного правительства, Киммель призывал служащих к дисциплине. Оповестив 9 марта, в первом из подписанных им приказов, что рабочий день в ведомстве длится с 10 до 16 часов¹²⁴, к октябрю он убедился в «бесполезности указаний о необходимости своевременно являться на службу» и грозил карами, обещая опаздывающих более чем на полчаса не допускать к работе, а за три подобных пропуска в течение двух месяцев увольнять¹²⁵.

¹¹⁷ Там же, д. 78, л. 135.

¹¹⁸ Назначен в сентябре, ранее — помощник заведующего информационным отделением Административного отдела НКИР (Там же, д. 10, л. 448).

¹¹⁹ Там же, д. 70, л. 1—3 об.

¹²⁰ Там же, д. 74, л. 208.

¹²¹ Там же, л. 121.

¹²² Там же, д. 10, л. 363.

¹²³ Там же, л. 463.

¹²⁴ Там же, д. 74, л. 57.

¹²⁵ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 14, л. 98.

В первой половине и середине 1918 г. НКИР понёс утраты. Помимо ликвидации учреждений, обслуживавших Высочайший двор (Гофмаршальская и Церемониальная части, канцелярии императриц), 15 июня упразднили бывшую Придворную медицинскую часть в Петрограде (московское отделение упразднили месяцем ранее), причём большую часть её имущества и личного состава передали в Наркомат здравоохранения. С 1 июля Общий архив НКИР перешёл в ведение Главного управления архивным делом¹²⁶. Сократились владения ведомства в «дворцовых городах». Ещё в конце марта Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны издал декрет № 331, которым предписывалось «в Царском Селе, Гатчине, Петергофе, Павловске и Красном Селе упразднить ратуши со всеми связанными с ними учреждениями и дворцовые управления как органы управления городами», передав «их дела и городские капиталы» местным советам. Имущества, имевшие «национальное и художественно-историческое значение, как то дворцы, памятники и художественные парки», остались в ведении НКИР¹²⁷.

Во исполнение этого решения Киммель 8 июня издал приказ № 44. Комиссарам упразднявшихся теперь управлений дворцами предписывалось «образовать для заведования остающихся в Комиссариате дворцов особые управления художественными имуществами Республики Северного района». Служащие, не принятые в новые управления, увольнялись с 15 июня¹²⁸. Кроме того, в ходе бесчисленных реорганизаций бывшее придворное ведомство покинули многие служащие, прославившие своё имя в искусстве. Так, например, приказом по НКИР от 10 марта увольнялись архитекторы В.А. Косяков, занимавший должность инспектора по строительной части бывшего Кабинета его величества, и А.А. Парланд, «причисленный» к Кабинету¹²⁹.

Впрочем, одновременно структура НКИР расширялась за счёт различных зданий, признанных «имуществами Республики». В их числе оказался и выстроенный Парландом знаменитый храм Спаса-на-Крови. Приказом 27 мая Киммель, ввиду «состоявшегося перехода в ведение Комиссариата имуществ Республики Храма Воскресения Христова», установил штат его служащих: истопник и шесть сторожей (увольнялись вахтёр, свечник, прислуга при канцелярии и три сторожа)¹³⁰. Не позднее конца мая в ведение НКИР перешёл Исаакиевский собор¹³¹. 16 марта, согласно постановлению СНК, наркомату «вернулся» Аничков дворец, входивший в структуру Министерства двора, но в 1917 г. занятый Министерством продовольствия Временного правительства. Приказом 25 марта Киммель утвердил штат управления дворцом во главе с комиссаром В.И. Ерыкаловым¹³². Объявленные с 1 августа национальной собственностью дворцы-музеи Бобринских, Строгановых, Шереметевых и Шуваловых также «в хозяйственном отношении состояли» по ведомству, что отмечено в приказе 16 сентября¹³³.

¹²⁶ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 10, л. 263, 375 об.

¹²⁷ Декрет № 331. О передаче из Комиссариата имуществ Республики имуществ и учреждений в дворцовых городах Советам // Рабочая и крестьянская Красная армия и флот. 1918. 28 марта.

¹²⁸ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 10, л. 262.

¹²⁹ Там же, л. 45 об.

¹³⁰ Там же, л. 239.

¹³¹ Там же, л. 241; д. 74, л. 125.

¹³² Там же, д. 10, л. 78.

¹³³ Там же, л. 421.

Подводя промежуточный итог работы за весну и начало лета 1918 г. в составленном ко 2 июля «Кратком отчёте о деятельности Петроградского отделения Народного комиссариата имуществ Республики», Киммель писал: «Комиссариатом были взяты под охрану и собраны почти все полковые музеи и библиотеки, находившиеся в Северной области, которым после демобилизации армии грозила опасность быть расхищенными; было выдано много охранительных грамот на художественные имущества, находившиеся в частных помещениях, причём имущества эти были обследованы и взяты на учёт. Вместе с этим многократно возбуждался вопрос об издании особого декрета по поводу обобществления указанных художественных имуществ». Помимо охраны имуществ (постепенно и безжалостно отбирававшихся у владельцев), Петербургское отделение, по словам его руководителя, «прокладывает пути к открытию новых музеев в той же Северной области»¹³⁴ и к превращению наиболее выдающихся дворцов в художественные или художественно-исторические музеи текущего времени или прошлых веков. Хотя эвакуация художественных сокровищ являлась в этом деле большим препятствием, тем не менее уже открыты музеи во дворцах Царского Села, Гатчины, Павловска. На осуществление этих мероприятий было потрачено комиссариатом много труда и энергии»¹³⁵.

Слияние с Наркомпросом. Малиновский раздумывал над тем, как сохранить самостоятельность руководимого им ведомства. Его сотрудники, а может быть и сам нарком¹³⁶, подготовили докладную записку СНК, в которой доказывали необходимость создания отдельного от Наркомпроса Комиссариата искусств. Утверждалось, что сотрудники ведомства просвещения ввиду огромности стоящих перед ними задач будут полностью поглощены вопросами народного образования. Эта загруженность, а также «совершенно различные методы работы», указывают на «фактическую невозможность при данных условиях воспользоваться Комиссариатом образования как аппаратом для проведения в жизнь новых взглядов правительства на вопросы художественной жизни страны». Как следствие, «крайне целесообразным представлялось бы для создания ведомства художественных вопросов воспользоваться уже готовым аппаратом Комиссариата имуществ Республики, преобразовав его в Комиссариат искусств, организационно независимый от Комиссариата народного образования. Такое преобразование провести крайне легко, и оно явится вполне естественным». Предвидя сопротивление Луначарского, составители записки предлагали «временную меру»: «Оба комиссариата объединяются в лице народного комиссара образования и искусства т. Луначарского. Причём техническая и организационная работа по каждому из ведомств вверяется отдельным народным комиссарам», а именно по Комиссариату искусств — Малиновскому, а по образованию — заместителю Луначарского историку М.Н. Покровскому¹³⁷. О том, как в таком случае строились бы между ними служебные отношения, не говорилось.

Но даже в окружении и.о. наркома не все поддерживали идею существования ведомства. В оппозиции, в частности, оказался Флаксерман, не порвавший связи с Луначарским после переезда и даже предоставлявший ему ноч-

¹³⁴ Слова «в той же Северной области» зачёркнуты карандашом.

¹³⁵ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 23, л. 26 об.—27.

¹³⁶ Машинописный черновик документа сохранился в его архивном фонде (РГАЭ, ф. 108, оп. 1, д. 88, л. 98—99).

¹³⁷ Из истории строительства советской культуры... С. 78—79.

лег в Москве¹³⁸. 8 июля на заседании коллегии НКИР выявились разногласия между ним и другими руководителями ведомства. После доклада Малиновского, сообщившего о намеченной «перегруппировке отделов Комиссариата имуществ Республики, в связи с предстоящим проведением в жизнь проекта декрета “Об учёте, невывозе за границу и национализации художественно-исторических имуществ, имеющих общегосударственное значение”», слово попросил Виноградов. Он поднял вопрос о «преждевременности заявления, сделанного т. Флаксерманом об упразднении Комиссариата имуществ Республики членам Коллегии отдела охраны памятников искусства и старины». Флаксерман заявил, что «некоторые основания к тому имеются, т[ак] к[ак] в центральных советских кругах такой вопрос давно обсуждался», а его «личный взгляд на необходимость слияния к[омиссариа]тов давно известен». «Поведение Флаксермана в отношении сотрудников комиссариата» коллегия признала «неосторожным», после чего её члены вернулись к обсуждению текущих дел¹³⁹.

Судьба НКИР решилась 10 июля 1918 г. на созванном согласно специальному постановлению СНК от 8 июля особом совещании. На нём присутствовали оба заинтересованных наркома, их ближайшие сотрудники и представители наркоматов внутренних дел и юстиции. Открывший заседание Луначарский кратко осветил историю ведомства и похвалил его сотрудников, но указал на постоянно возникающие между наркоматами «трения». Их он объяснил объективными причинами: «не неуживчивостью характера т. Малиновского... а неналаженностью самого аппарата». «Комиссариат имуществ Республики — это лишний аппарат в Конституции Сов[етской] Республики. Он должен превратиться в Хозяйственный отдел Комиссариата народного просвещения», — завершил свою мысль докладчик.

Малиновский в ответной речи сделал упор на политическую благонадёжность подчинённых, сравнив состав Коллегии Комиссариата имуществ с Музейной коллегией Наркомпроса: «В первой испытанные советские социалисты, часть из них специалисты, а во второй, кроме председателя, почти все скрытые кадеты и правые эсеры, способные быть лишь экспертами, но не ответственными политическими руководителями... Характерно также, что кое-кто из членов той же Музейной коллегии открыто заявлял в своё время о непризнании советской власти». Впрочем, ни этот аргумент Малиновского, ни его призыв отказаться хотя бы от немедленной ликвидации ведомства не впечатлили собравшихся. Луначарский парировал, что служащие Комиссариата имуществ не должны увольняться, «ибо они ответственны будут, как за забастовку», а у экспертов «не спрашивают, социалисты ли они». В итоге вынесли постановление о «своевременности» слияния двух ведомств¹⁴⁰. В принятой в тот же день V Всероссийским съездом Советов Конституции РСФСР перечислялись наркоматы, и НКИР в списке уже отсутствовал¹⁴¹. 11 июля СНК постановил утвердить постановление о его слиянии с Наркомпросом, при этом отложив «проведение его в жизнь до совещания с Президиумом ЦИК»¹⁴².

¹³⁸ Флаксерман Ю.Н. В огне жизни и борьбы... С. 157.

¹³⁹ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 41, л. 6.

¹⁴⁰ Там же, л. 10–12 об.

¹⁴¹ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Постановление 5-го Всероссийского Съезда Советов, принятое в заседании 10 июля 1918 года. Пг., 1918. С. 8–9.

¹⁴² ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 41, л. 7.

Дальнейшее существование НКИР было уже агонией. На заседаниях 11 и 15 июля (сохранился их общий протокол) Большая коллегия ведомства, пытаясь отстоять хоть какую-то автономию, постановила, что она «сможет продолжать свою работу и принять на себя ответственность за сохранение такого сложного аппарата» только при условии организации особого отдела при Наркомпросе «из социалистов как ответственных политических руководителей», в котором «специалисты» образуют «лишь консультативный аппарат, пользующийся правом решающего голоса только при решении вопросов, не выходящих за пределы их специальности». Коллегия этого отдела выбирала бы из своей среды председателя, лишь утверждаемого наркомом, имела бы «строгую обособленную» смету и вообще пользовалась бы «автономией для всего присоединённого аппарата». Заслушав заявление Малиновского об отпуске и последующей отставке, коллегия, «принимая во внимание необходимость сохранения аппарата в том виде, как он сконструировался под руководством т. Малиновского», сочла «принципиально необходимым» предложить главе наркомата «не уходить в отставку и не оставлять созданного им дела, даже при условии слияния обоих комиссариатов», не встретив препятствий лишь к его отпуску, необходимому из-за «переутомления... вследствие продолжительной интенсивной созидательной работы»¹⁴³.

В июле Малиновский несколько раз обращался в СНК, прося освободить его от должностей наркома и комиссара Кремля и дать ему перед отставкой «отпуск с сохранением содержания для восстановления хотя бы отчасти сил перед новой работой». 3 августа Совнарком удовлетворил его просьбу. На рубеже июля и августа процесс слияния ведомств вошёл в решающую фазу, хотя раздражённые сотрудники наркоматов упрекали друг друга в затягивании дела. Наркомпрос требовал «спешности», а члены коллегии НКИР Виноградов, Кауфман и М. Романовский жаловались, что, явившись в ведомство просвещения 1 августа, потратили целый день, но так и не дождались начала работы по слиянию (вопрос отложили до очередного приезда Луначарского в Москву)¹⁴⁴.

21 августа Малиновский подписал циркуляр, адресованный «Всем совдепам, комитетам крестьянской бедноты», которым оповестил о слиянии НКИР с Наркомпросом и о том, что теперь по вопросу соответствующих имуществ надо обращаться в последний. Наконец, 26 августа он окончательно попросил Совнарком об отставке и подписал официальное заявление о том, что передаёт Луначарскому все дела, «равно как и самую должность наркома имущ[еств] Республики». Луначарский на той же бумаге в тот же день расписался о «принятии» дел, уполномочив для этого также Киммеля и Г.С. Ятманова. Последние стали именоваться «уполномоченными комиссарами по ликвидации бывшего Комиссариата имуществ Республики» (именно так служащие обращались к Киммелю)¹⁴⁵.

История НКИР закончилась в конце лета 1918 г., спустя почти 92 года после учреждения Николаем I Министерства императорского двора (22 августа 1826 г.). Впрочем, у этой истории есть эпилог. В сентябре–октябре приказы по «Комиссариату имуществ Республики» продолжал отдавать возглавлявший Петербургское отделение Киммель. Лишь 31 октября он издал циркуляр, опове-

¹⁴³ Там же, л. 16–17.

¹⁴⁴ Там же, л. 13, 21, 30–34, 39, 41.

¹⁴⁵ Там же, л. 49, 52, 54, 58, 59.

стивший служащих о преобразовании ведомства в Отдел имуществ Республики Наркомпроса. Об этом циркуляре Киммель объявил в последнем, 63-м приказе по наркомату. 1 ноября он подписал приказ № 1 по Отделу имуществ Республики, объявив о переводе сюда на службу всех работников НКИР¹⁴⁶.

Какой же след в истории Отечества оставило это учреждение и его деятели? Во-первых, хотя появилось оно в декабре 1917 г. при более-менее случайных обстоятельствах, за ним стояла длительная политическая традиция. Десятки возникших в разное время придворных «ведений» на протяжении почти целого столетия включались в состав Министерства императорского двора, структура и аппарат которого в целом сохранились и при Временном правительстве.

Во-вторых, существование НКИР сопровождалось постоянным вмешательством в его дела Луначарского, желавшего присоединения ведомства к руководимому им Наркомпросу и в итоге добившегося своего. Он не только сумел внедрить на ключевые посты своих ставленников, но и, ссылаясь на «неразрывную связь» наркоматов, уговорил обоих наркомов согласиться на совместное управление учреждениями культуры и искусства. Если Карелин, мало интересовавшийся делами, не особенно противостоял экспансии Луначарского, то Малиновский пытался сопротивляться, но потерпел поражение.

В-третьих, можно говорить о том, что с точки зрения интересов русской культуры победа в аппаратной борьбе широко образованного, старавшегося привлечь к работе «старую» интеллигенцию Луначарского оказалась предпочтительнее торжества Малиновского, делавшего ставку на социалистов. Но из этого не следует, что объединение наркоматов было единственно верным и исторически назревшим решением, как это представляли Луначарский и некоторые исследователи вслед за ним. Наоборот, большую часть своей истории (вплоть до современности) ведущие театры, музеи и другие национальные ценности провели не в ведомстве просвещения, а в составе самостоятельного, профильного учреждения. В исторической перспективе Наркомат имуществ выглядит своеобразным связующим звеном между Министерством императорского двора и министерствами культуры СССР и России. В этом смысле отстаивавшаяся Малиновским и его окружением идея создания на основе реформированного НКИР Комиссариата искусств представляется вполне жизнеспособной.

В-четвёртых, следует отметить двойственное влияние деятельности наркомата на отечественную культуру, обусловленное самой природой этого ведомства и историческими условиями его функционирования. Как часть большевистского государственного аппарата он сыграл свою роль в разрушении старого мира. Не говоря уже о политической ответственности наркомов как членов ленинского правительства за погружение страны в пучину небывалого по своим масштабам политического и экономического кризиса, можно отметить и такие меры, как участие в национализации частных коллекций (единоразово пополнившей музеи, но нанесшей в перспективе огромный урон коллекционированию вообще, в том числе и музейному собирательству) и раздача имперского музейного фонда отделявшимся национальным окраинам. С другой стороны, выдача «охранных грамот» малым музеям, усадьбам и частным владельцам сыграла положительную роль в спасении культурных ценностей. Не все, но всё-таки многие распоряжения НКИР в области музейного дела в 1917–1918 гг. заслуживают доброго слова от потомков.

¹⁴⁶ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 10, л. 485–488.